

В. А. Канубриков, М. А. Яковлева

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ
ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА**

В статье на основе изучения научных источников и судебно-следственной практики проведен уголовно-правовой анализ составообразующих признаков заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Отмечается, что сегодня акты терроризма вызывают сильное беспокойство в мировом сообществе, в одном ряду с ними по общности объекта посягательства находится и заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

При рассмотрении проблем квалификации авторами представлена научная полемика по наиболее спорным моментам рассматриваемой темы: отмечаются проблемы нелогичного подхода законодателя к установлению в ч. 1 ст. 207 обязательного признака — из хулиганских побуждений, а также цели дестабилизации органов власти в составе ч. 3 ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) как квалифицирующего признака.

В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что для устранения противоречий необходимо либо в ч. 1 и 3 ст. 207 УК РФ исключить обязательный признак «мотив совершения преступления», предоставив тем самым вариативность мотиваций, либо, в случае отсутствия у виновного хулиганских побуждений, а также цели дестабилизации органов власти, действия виновного нужно квалифицировать по ст. 306 УК РФ в связи с тем, что данная норма является общей по отношению к заведомо ложному сообщению об акте терроризма.

Ключевые слова: заведомо ложное сообщение об акте терроризма, уголовно-правовая характеристика заведомо ложного сообщения об акте терроризма, акт терроризма, общественная безопасность.

V. A. Kanubrikov, M. A. Yakovleva

**PROBLEMS TO QUALIFY A KNOWN FALSE REPORT
ON TERRORISM-RELATED ACT**

The authors of the given article make criminal-legal analysis of the elements of known false reports on terrorism-related act taking into account the review of the scientific sources and forensic-investigative practice. The authors note that at present terrorism-related acts cause great anxiety in the world community as well as a known false report on terrorism-related act is involved in this problem on the basis of the common features of the object of attack.

While considering the problems of qualification the authors offer some scientific debate related to the most controversial issues of the topic, namely, the problems of the illogical approach of the legislator — to identify an obligatory feature (in Part 1 of Article 207) that is "from hooligan motives" as well as to establish the purposes of destabilizing the authorities as a qualifying feature (in Part 3 of Art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation).

As a result of the analysis made the authors conclude that it is necessary to exclude an obligatory feature, that is the motive for committing a crime, from Part 1 and 3 of Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation. It eliminates contradictions and provides variability of motivations; to qualify actions of the offender according to Art. 306 of the Criminal Code of the Russian Federation if the offender hasn't had hooligan motives as well as the goal to destabilize the authorities. This fact means that the mentioned rule of law is general for a known false report on terrorism-related act.

Key words: known false report on terrorism-related act, criminal-legal feature of a known false report on terrorism-related act, terrorism-related act, public safety.

Сегодня акты терроризма вызывают сильное беспокойство в мировом сообществе. Последствиями этого массового негативного явления значатся тысячи искалеченных жизней, разрушенная инфраструктура и подрыв авторитета, а соответственно, и доверия граждан к органам государственной власти и местного самоуправления. Под сомнение общественной в профессиональной пригодности и компетентности также попадают и силовые структуры, в том числе правоохранительные органы. Угрожающее распространение террористические акты получили и на территории Российской Федерации, что ставит проблему борьбы с терроризмом на одно из центральных мест.

В одном ряду с преступлениями против общественной безопасности, такими как террористический акт, организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем, захват заложника, стоит и заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Несмотря на то что слово «ложный» означает «содержащий ложь, неправду; неправильный, ошибочный», касательно заведомо ложного сообщения об акте терроризма мы говорим именно об умышленном преступлении, поскольку такое поведение свидетельствует об акте психологического терроризма, призванного устрашать мирное население. Кроме того, лицо, делая ложное сообщение об акте терроризма, осознанно создает обстановку, при которой ввиду использования актуальных сил и средств по предупреждению, пресечению и устранению последствий якобы террористического акта могут возникнуть чрезвычайные ситуации, не говоря уже о материальных затратах при задействовании правоохранительных органов. Как раз в этом и заключается существенная опасность, поскольку в связи с проведением указанного мероприятия, как правило, происходит существенное ограничение личных прав граждан: в результате приостановления производственного и учебного процесса, нарушения расписания отправления поездов и вылетов самолетов и, как итог, причинения значительного материального ущерба. Вместе с тем неоднократные ложные вызовы, особенно за короткий промежуток времени, могут привести к снижению бдительности правоохранительных органов, что ввиду отсутствия

должного внимания и своевременного реагирования может привести к очень тяжелым последствиям [1, с. 36].

Несмотря на принимаемые меры по предупреждению и противодействию заведомо ложного сообщения об акте терроризма, статистические данные говорят о тенденции к росту регистрируемых сообщений. Так, за 2016 г. было зарегистрировано 1 433 случая заведомо ложных сообщений об акте терроризма [2], за 2017 г. — 3 027 [3], за 2018 г. — 1 530 [4], а за 3 месяца 2019 г. — уже 679 таких сообщений [5]. При этом необходимо констатировать, что в 2018 г. произошел значительный спад регистрации указанного вида состава преступления. На наш взгляд, это связано с изменением составообразующих признаков в диспозиции ст. 207 УК РФ. Кроме того, отмечается не только рост количества зарегистрированных преступлений, но и качество способов их совершения (использование мобильного Интернета с «одноразовых» сим-карт, выход в Интернет из пунктов общественного доступа к интернет-ресурсам, применение интернет-сервисов, адреса которых зарегистрированы за пределами Российской Федерации, и т. д.).

Согласно действующей редакции УК РФ под заведомо ложным сообщением об акте терроризма понимается адресация сведений, не соответствующих реальной действительности, о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное из хулиганских побуждений (ст. 207).

Объектом заведомо ложного сообщения об акте терроризма выступает общественная безопасность. В качестве дополнительного объекта могут предстать права и интересы граждан, интересы органов власти при цели дестабилизации их деятельности, а также интересы объектов инфраструктуры в виде понесенного материального ущерба, причиненного правоохранительными органами в ходе проверочных мероприятий, выраженного в упущенной выгоде в момент простоя [6, с. 78].

Объективная сторона основного состава рассматриваемого преступного деяния проявляется в форме активных действий, ложного высказывания о готовящемся акте терроризма, —

взрыве, поджоге или иных действий, которые создают опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или иных последствий, содержащих признаки терроризма [7]. Кроме того, объективную сторону будет образовывать и опосредованное сообщение об акте терроризма, например, сообщение из хулиганских побуждений об акте терроризма своему знакомому о том, что его подъезд заминирован и необходимо принять меры по эвакуации соседей.

В части 2 предусматривается ответственность за то же деяние в отношении объектов социальной инфраструктуры либо за деяние, повлекшее причинение крупного ущерба. Данный квалифицированный состав в качестве альтернативно-обязательных признаков предусматривает либо указанный в примечании к статье объект посягательства — объекты социальной инфраструктуры, либо общественно опасные последствия в виде крупного ущерба, сумма которого превышает один миллион рублей.

Субъективная сторона основного состава, согласно действующей редакции, выражается в наличии такого обязательного признака, как хулиганские побуждения. Стоит принять во внимание, что под хулиганским побуждением понимается желание виновного совершить преступление, показав свое противостояние обществу, т. е. с использованием незначительного повода или вообще без такового [8].

Таким образом, предыдущая редакция ст. 207 УК РФ не предусматривала в качестве составообразующего признака такой мотив совершения преступления, как «из хулиганских побуждений» либо «в целях дестабилизации деятельности органов власти» (ч. 2 ст. 207 УК РФ), что в свою очередь давало правоприменителям возможность одинаково квалифицировать заведомо ложные сообщения об акте терроризма без акцентирования мотивов и целей. Возникает вполне уместный вопрос о квалификации данного преступления, совершенного, к примеру, из корыстных побуждений или личной неприязни, что ставит под вопрос применение ч. 1 и 3 ст. 207 УК РФ, а также вопрос об освобождении лиц, ранее привлеченных к уголовной ответственности, от отбывания наказания.

Например, согласно апелляционному постановлению Липецкого областного суда от 16 августа 2018 г., в декабре 2017 г. подсудимый В. О. С. был признан виновным по трем эпизодам ч. 1 ст. 207 УК РФ. Учитывая тот факт, что В. О. С.

совершил указанное преступление без такого обязательного признака, как «из хулиганских побуждений», а также исходя из требований ч. 1 ст. 10

УК РФ, все действия В. О. С. по приговору Советского районного суда г. Липецка от 19 декабря 2017 г. подлежат декриминализации, поскольку с принятием нового уголовного закона — Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ — они не содержат обязательного признака субъективной стороны преступного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ в ее новой редакции [9].

После изменения закона суды к хулиганским побуждениям в некоторых случаях относят мотивы, которые, как нам кажется, к хулиганским побуждениям отношения не имеют: например, гражданин И. 24 января 2019 г. из ревности сообщил о заминировании киоска, в котором работает его жена. Суд, обосновывая хулиганский мотив, указал, что действия И. обусловлены малозначительным поводом — опорочить другое лицо из-за возникшей обиды — и выражены в заведомо ложном сообщении об акте терроризма, свидетельствуют о желании виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное, циничное отношение к другим личностям, т. е. в его действиях усматривается грубое нарушение общественного порядка [10].

Те же проблемы возникают у правоприменителей и при квалификации деяний в целях дестабилизации деятельности органов власти (ч. 2 ст. 207 УК РФ). Например, А. С. Тыкин 4 ноября 2018 г. в период с 22 до 23 часов, желая парализовать нормальную деятельность Федерального казенного учреждения «Исправительная колония...» Главного управления Федеральной службы исполнения наказания России по..., являющегося органом исполнительной власти Российской Федерации, отвлечь силы и средства правоохранительных органов, призванных оказывать помощь в экстремальных ситуациях, воспользовавшись принадлежащим ему мобильным телефоном, позвонил на телефон ФКУ ИК-... ГУ ФСИН России по..., заведомо ложно сообщил о готовящемся взрыве. Суд квалифицировал действия подсудимого по ч. 1 ст. 207 УК РФ, исключив из обвинения наличие цели дестабилизации деятельности органов власти [11].

При этом в г. Красноярске А. В. Петропавловский ДД.ММ.ГТТГ примерно в 16

часов 19 минут, находясь в специальном помещении содержания задержанных лиц, расположенном в дежурной части отдела полиции №... МУ МВД России «Красноярское», позвонил на пульт управления оператора экстренной службы #112, заведомо ложно сообщил оператору не соответствующие действительности сведения о готовящемся взрыве: «В Ленинском РОВД бомба».

Органами предварительного следствия действия А. В. Петропавловского квалифицированы по ч. 3 ст. 207 УК РФ как совершенные из хулиганских побуждений в целях дестабилизации деятельности органов власти. Суд между тем исключил из обвинения совершение преступления из хулиганских побуждений, поскольку это не предусмотрено диспозицией статьи, и посчитал правильным квалифицировать действия А. В. Петропавловского по ч. 3 ст. 207 УК РФ [12]. Хотя, на наш взгляд, в приведенном примере представлены именно хулиганские побуждения.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма представляет собой разновидность заведомо ложного доноса о преступлении. В таких случаях наступает конкуренция уголовно-правовых норм: ст. 306 УК РФ является общей нормой, а ст. 207 УК РФ — специальной. В соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ уголовная ответственность наступает по специальной норме. В связи с чем, как отмечает А. В. Бриллиантов, в случае отсутствия у виновного хулиганских побуждений, а также цели дестабилизации органов власти, действия виновного следует квалифицировать по ст. 306 УК РФ [13, с. 13].

Рассматривая субъект преступления, а также криминологическую характеристику лиц, его совершивших, можно выделить две группы «ложных террористов». К первой необходимо отнести лиц, преследующих цель пошутить, потешиться над работой силовых структур, а ко второй — профессиональных преступников. Итак, в первую группу входят следующие виды:

1) взрослые люди, в том числе несовершеннолетние правонарушители, преследующие цель привлечь к себе повышенное внимание или лично утвердиться за счет проведенной дезорганизации работы органов государственной власти и местного самоуправления;

2) лица с нестабильной психикой, в том числе имеющие психические расстройства, не исключаящие вменяемости (подчиненные неконтролируемому поведению, с измененным

сознанием из-за галлюцинаций);

3) лица, находящиеся под воздействием алкогольного, наркотического или токсического опьянения [14].

Ко второй группе относятся лица, предпочитающие не контактировать с правоохранительными органами, ввиду чего их сложно склонить к переговорам. Как правило, их намерения хорошо продуманы, налицо высокий уровень подготовки, который включает готовность сообщить о теракте, отвлечь внимания спецслужб на ложное сообщение и совершить реальный теракт, получить выкуп [15, с. 67].

Как сказано ранее, виновниками ложных сообщений могут быть как несовершеннолетние, так и взрослые люди. Причем первые, в лице учащихся общеобразовательных учреждений, совершают преступление с целью уклонения от проверочных мероприятий в момент обучения.

Таким образом, субъект рассматриваемого преступления — общий, т. е. вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

При рассмотрении составообразующих признаков установлено, что к ключевым признакам, характеризующим заведомо ложное сообщение об акте терроризма, необходимо относить следующее:

1) в сообщении содержится угроза, планируемая к исполнению в будущем;

2) адресованные сведения являются вымышленными, а равно не соответствуют действительности, являясь ложными;

3) лицо, осуществляющее передачу таких сведений, достоверно осведомлено о том, что они ложные;

4) сведения, которые сообщают адресату, конкретизированы, абстрактный характер исключен.

Субъективная сторона рассматриваемого состава преступления характеризуется умышленной формой вины, деяние определяется как совершенное из хулиганских побуждений либо имеет квалифицирующий признак «в целях дестабилизации деятельности органов власти».

В части 2 ст. 207 УК РФ с использованием того же мотива, «из хулиганских побуждений», делается акцент на предмет совершения преступления, а именно в отношении объектов социальной инфраструктуры либо наступления общественно опасных последствий в виде причинения крупного ущерба.

В диспозиции ч. 3 ст. 207 УК РФ говорится о дестабилизации деятельности органов власти как

об обязательном и основном признаке субъективной стороны, что по конструкции имеет сходство с целью, предусмотренной в ст. 205 УК РФ.

Необходимо сделать вывод о том, что внесенные изменения в конструкцию ст. 207 УК РФ не позволяют правоприменителям правильно квалифицировать деяния, что наглядно показано в приведенных примерах, в связи с чем видится два варианта устранения противоречий. Первый: в ч. 1 и 3 ст. 207 УК РФ исключить обязательный признак «мотив совершения преступления», предоставив тем самым вариативность мотиваций. Данное предложение поддерживается многими авторами [напр., 16, с. 92; 17, с. 17], так как изменение позволит правоохранительным органам привлекать к ответственности за указанные действия в тех случаях, когда отсутствуют хулиганские побуждения. С одной стороны, обязательность в заведомо ложном сообщении об акте терроризма хулиганских побуждений не отражает террористического характера и общественной опасности данного деяния, с другой — хулиганские побуждения (ч. 1 ст. 207 УК РФ) и дестабилизация деятельности органов власти (ч. 3 ст. 207 УК РФ) не охватывают всю вариативность мотивов и целей совершения рассматриваемого деяния. Можно утверждать, что общественная опасность и ее фактическое выражение в причиняемом человеку, обществу и государству вреде присутствует при совершении его как из личных побуждений, так и с какими-либо другими целями [18, с. 56]. Второй: в случае отсутствия у виновного хулиганских побуждений, а также цели дестабилизации органов власти действия виновного необходимо квалифицировать по ст. 306 УК РФ, в связи с тем что указанная норма является общей по отношению к заведомо ложному сообщению об акте терроризма.

1. Куликова Г. Л. Криминологические аспекты заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 1 (21). С. 36—39.

2. Состояние преступности январь — декабрь 2016 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/9338947> (дата обращения: 25.05.2019).

3. Состояние преступности январь — декабрь 2017 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987> (дата обращения: 25.05.2019).

4. Состояние преступности январь — декабрь 2018 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/14696015> (дата обращения: 25.05.2019).

5. Состояние преступности январь — март 2019 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16523390> (дата обращения: 25.05.2019).

6. Романовская О. В. Ограничения права на жизнь при пресечении террористических актов в воздушной среде // Экономика, педагогика и право. 2017. № 3. URL: <http://ecoedulaw.ru/ru/2017/3/2> (дата обращения: 26.05.2019).

7. Мальцев В. В., Канубриков В. А. О понятии уголовно-правовой нормы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. Вып. 4 (35). С. 72—77.

8. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».

9. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 16 августа 2018 г. по Делу № 22-800/2018, г. Липецк // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YfZr1z1n2GV1/> (дата обращения: 25.05.2019).

10. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области по Делу № 1-240/2019 от 13 мая 2019 года // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.10.2019).

11. Приговор Чусовского городского суда Пермского края по Делу № 1-19/2019 г. от 22 января 2019 года // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru>

1. Kulikova G. L. Criminological Aspects of a Known False Report on Terrorism Related Act. Vestnik of Academy of General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2011; № 1 (21): 36—39.

2. Crime Situation of January — March 2016. Ministry of the Interior of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://мвд.rf/reports/item/9338947>. Date of Reference: 25/05/2019.

3. Crime Situation of January — March 2017 Period. Ministry of the Interior of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://мвд.rf/reports/item/12167987>. Accessed: 25/05/2019.

4. Crime Situation of January — March 2018 Period. Ministry of the Interior of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://мвд.rf/reports/item/14696015>. Accessed: 25/05/2019.

5. Crime Situation of January — March 2019 Period. Ministry of the Interior of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://мвд.rf/reports/item/16523390>. Accessed: 25/05/2019.

6. Romanovskaya O. V Restrictions on Right to Life While Suppressing Terrorist Related Acts in Air. Economics, Pedagogy and Law. 2017; № 3. Available from: <http://ecoedulaw.ru/ru/2017/3/2>. Accessed: 26/05/2019.

7. Maltsev V. V., Kanubrikov V. A. On Concept of Criminal-Legal Norm. Vestnik of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia. 2015; 4 (35): 72—77.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15 November 2007 № 45 "On Judicial Practice on Criminal Cases Related to Hooliganism and Other Crimes of Hooliganism Nature". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Appeal Statement of the Lipetsk Regional Court dated 16 August 2018 on Case № 22-800/2018 of Lipetsk. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 25/05/2019.

10. Sentence of the Leninsky District Court of Magnitogorsk of the Chelyabinsk Region, on Cases № 1-240/2019 dated 13 May 2019. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://bsr.sudrf.ru>. Accessed: 25/10/2019.

11. Verdict of the Chusovsky City Court of the Permian Region in Case № 1-19/2019, dated 22 January 2019. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation: Official Site. Available from:

(дата обращения: 25.10.2019).

12. Приговор Ленинского городского суда г. Красноярска по Делу № 1-610/2018 от 7 ноября 2018 года // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.10.2019).

13. Бриллиантов А. В. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. 2014. № 3. С. 13—18.

14. Кто такой телефонный террорист // Медиаплатформа «Безопасность»: сайт. URL: <https://bezopasnost-tv.ru> (дата обращения: 27.05.2019).

15. Лосяков А. В. Проблема «телефонного терроризма» в современной России и меры по его предупреждению // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4. С. 67—70.

16. Расщупкина О. Н. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Некоторые вопросы квалификации // Закон и право. 2019. № 1. С. 91—93.

17. Цепелев К. В. Уголовно-правовая характеристика заведомо ложного доноса как преступления, посягающего на формирование доказательств в уголовном процессе // Российский следователь. 2009. № 2. С. 17—19.

18. Игнатов А. Н. О террористическом характере заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 157—165.

<https://bsr.sudrf.ru>. Accessed: 25/10/2019.

12. Verdict of the Lenin City Court of Krasnoyarsk on Case № 1-610 / 2018 of November 7, 2018. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://bsr.sudrf.ru>. Accessed: 25/10/2019.

13. Brilliantov A. V. Known False Denunciation: Qualification Issues. Criminal Law. 2014; 3: 13—18.

14. Who is a Telephone Terrorist? Media Platform Security. Available from: <https://bezopasnost-tv.ru>. Accessed: 27/05/2019.

15. Losyakov A. V. Problem of "Telephone Terrorism" in Modern Russia and Measures to Prevent it. Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2017; 4: 67—70.

16. Rasshchupkina O. N. Known False Report on Terrorism Act. Some Issues of Qualification. Law and Right. 2019; 1: 91—93.

17. Tsepelev K. V. Criminal-Legal Characteristics of Known False Denunciation as a Crime to Encroach Formation of Evidence in Criminal Proceedings. Russian Investigator. 2009; 2: 17—19.

18. Ignatov A. N. On Terrorism Nature of Known False Report on Terrorism-Related Act. Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2018; 5: 157—165.

© Kanubrikov V. A., Yakovleva M. A., 2019

© Канубриков В. А., Яковлева М. А., 2019

Канубриков Виталий Алексеевич,
заместитель начальника кафедры
уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: v.kanubrikov@mail.ru

Яковлева Марина Александровна,
преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: yamartisha@eandex.ru

Kanubrikov Vitaliy Alexeyevich,
deputy head of the department
of criminal law of the educational
and scientific complex on the preliminary
investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
candidate of juridical sciences,
associate professor;
e-mail: v.kanubrikov@mail.ru

Yakovleva Marina Alexandrovna,
lecturer at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia;
e-mail: yamartisha@eandex.ru